

Глава 7. Тушёная свиная требуха

Гу Цин купил две лепешки-шаобин для Яньян и Сяочи и велел им подождать его в лавке одежды — за день дети порядком вымотались и послушно ушли.

Сам он купил два цзиня мяса, немного ребрышек и заметил лежащие в стороне свиные потроха.

— Хозяин, почем требуха?

Мясник мельком глянул на него:

— За пять взней всё забирай.

Гу Цин нанял воловью повозку, забрал детей и покупки и двинулся домой. Когда они добрались, уже совсем стемнело.

Яньян помогала разводить огонь. Поужинав на скорую руку, Гу Цин принялся за потроха. Промывать кишки было делом хлопотным: он тер их золой снова и снова, а под конец даже пустил в ход муку. От мысли о таком расточительстве он невольно хмурился, но выбора не было — иначе есть это будет невозможно.

На кухне он ошпарил требуху кипятком, дал остыть и ножом соскреб лишний жир. Сейчас было холодно, так что до утра мясо не испортится. Глянув на небо, Гу Цин понял, что пора спать, и повел детей на кан.

— Папочка, а ты умеешь рассказывать сказки? — спросил Сяочи, переворачиваясь на бок.

— Я никогда их не слышал. Ху-цзы из деревни говорил, что бабушка всегда ему рассказывает, а папа не умеет.

Услышав в голосе ребенка неприкрытую зависть, Гу Цин смягчился:

— Ну хорошо, папочка расскажет тебе историю про то, как Нэчжа устроил переполох в море.

— В давние времена в заставе Чэньтан жил военачальник по имени Ли Цзин. С малых лет он постигал Дао и учился у бессмертного мудреца с Западного Куньлуня. Постиг он магию пяти стихий, но путь к бессмертию оказался тернист, и учитель отправил его в мир людей — служить государю и наслаждаться земным богатством. Его жена, госпожа Инь, родила ему двух сыновей: Цзиньчжу и Мучжу. И вот забеременела она в третий раз, и длился срок ее уже три года и шесть месяцев, а дитя всё не являлось на свет...

... И вот Нэчжа принес себя в жертву у заставы Чэньтан, чтобы искупить вину.

— А что потом? Царь драконов ушел? — Сяочи слушал, затаив дыхание.

— Потом... а продолжение будет завтра. Сейчас — живо закрывай глаза и спать.

На следующее утро первым делом Гу Цин поставил томиться требуху в ароматном рассоле. Погода стояла ясная, и он решил заодно прибраться во дворе, а пока светит солнце — заняться шитьем. Парчу юньцзинь он выделил малышам, а ткань попроще — себе и Сяо У.

— Яньянь, иди-ка сюда, папочка снимет мерки, чтобы сшить тебе наряд.

Девочка вбежала в дом, покрасневшая от игр на улице:

— Папочка, я здесь!

— А можно мне еще сходить к реке поискать моллюсков? — Она послушно замерла, пока Гу Цин прикидывал размер, и с надеждой заглянула ему в глаза своими миндалевидными глазками.

— Нет. Когда папочка в следующий раз пойдет к реке, возьмет тебя с собой, а одной ходить строго запрещено. Повернись боком, я измерю длину рукава. — Гу Цин отказал, и малышка понуро побрела прочь.

После полудня он решил разведать обстановку в лесу. Дети подняли шум, просясь с ним, и он взял их за компанию.

— Папочка, скорее сюда! Тут дикий боярышник! — Сяочи надрывался, его личико покраснелось. Он топтался на месте, пытаясь залезть на дерево, но у него ничего не выходило. Гу Цин не сдержал улыбки.

Надо же, боярышник! Вещь полезная: можно есть свежим, а можно сделать пастилу или сухофрукты — отличные сладости для детей.

Набрав полную корзину ягод, они вернулись домой, где их встретил густой аромат тушеной требухи.

— Папочка, это так мясо пахнет? — с надеждой спросил Сяочи.

Гу Цин кивнул:

— Ждите, сейчас будем обедать.

Малыши не могли усидеть на месте и протиснулись на кухню, с любопытством заглядывая в котел в ожидании, когда папочка поднимет крышку.

— О-о-ох! — в один голос выдохнули они, восхищенно глядя на варево.

— Как же вкусно пахнет! Папочка такой молодец. Раньше папа тоже приносил мясо, но просто варил его в воде, совсем без вкуса было.

— Сяочи, иди ставь столик на кан, неси приборы. Яньянь, помоги папочке подбросить дров. Сейчас всё обжарим и будем кушать, ладно?

Сяочи со всех ног бросился за столом. В северных домах такие столики для кана были невелики, и даже ребенок мог их поднять. Зимой всей семьей сидеть на теплом кану за едой — милое дело.

Гу Цин нарезал пропитанную специями требуху. Раскалил масло в котле, бросил туда лук, имбирь и чеснок для аромата, затем добавил требуху. Плеснул по краям немного крепкого вина, посолил, добавил соевый соус, быстро перемешал — и блюдо готово.

— Яньянь, неси рис, идем в комнату.

Снаружи стемнело, завывал свирепый ветер, раскачивая деревья, но в доме царил мир и покой.

Требуха томилась долго, поэтому стала нежной и сочной, но сохранила приятную упругость.

— Папочка, это так вкусно! Как же хорошо, что ты у нас есть. Когда мы с сестрой были одни, ели только траву да картошку. — Малыш уплетал за обе щеки, а покончив с едой, развалился на кану, довольно покрхтывая.

* * *

Глава 8. Танхулу

Гу Цин вымыл несколько ягод боярышника и протянул их малышам, для аппетита — боярышник отлично помогал пищеварению.

— Подождите немного, папочка сделает вам танхулу. — Гу Цин поднялся и ушел на кухню.

В большом котле было трудно уследить за жаром, поэтому он вымыл стоявший в стороне

маленький котелок и разжег под ним огонь.

Он налил в котелок воду и насыпал сахар в пропорции один к двум. Довел смесь до кипения, помешивая, чтобы сахар быстрее разошелся. Вскоре на поверхности забурлили густые пузыри. Гу Цин убавил огонь и продолжил томить сироп до тех пор, пока тот слегка не пожелтел. Он макнул палочку в карамель и опустил в холодную воду — сахар мгновенно застыл. Поняв, что сироп готов, Гу Цин снял котелок с огня.

Дома не было бамбуковых шпажек, на которые обычно нанизывают танхулу, так что пришлось использовать палочки для еды: он насаживал на них ягоды и обмакивал в густую глазурь.

Сяочи, не в силах больше ждать, выбежал на кухню:

— Уже готово? Папочка!

— Почти. Нужно вынести их на улицу, пусть застынут на холоде, и тогда можно будет есть. — Гу Цин выставил поднос на крыльцо.

Выждав нужное время, он раздал детям по палочке. Сладости в этих краях были редкостью — их видели разве что по праздникам, а дети, конечно, обожали сладкое, так что восторгу не было предела.

Яньянь съела пару ягод, но потом замерла и протянула палочку к губам Гу Цина:

— Папочка, ты тоже попробуй.

Гу Цин растроганно погладил ее по голове:

— Яньянь, умница, но папочка не любит кислое, ешь сама.

— Папочка, а ты нам еще сделаешь танхулу? — спросил маленький обжора Сяочи, слизывая остатки сахара с последней ягоды.

— Когда захотите, я сделаю еще, но часто их есть нельзя — зубы испортятся.

Гу Цин не сидел без дела: он хотел закончить шитье одежды до того, как ударят настоящие морозы.

На следующий день, пользуясь ясной погодой, он распорол старые одеяла. Наполнитель из хлопка совсем свалялся, поэтому Гу Цин отнес пододеяльники к реке и выстирал их, а сам хлопок выбил деревянной палкой, очищая от пыли.

К полудню вернулись дети с корзинами за плечами. Внутри лежали плоды мыльного дерева, и Гу Цин приметил, что их набралось немало.

— Где вы их нашли? Так много! — Гу Цин искренне обрадовался. Он зачерпнул горсть плодов и тут же попробовал вымыть руки — конечно, не современное мыло, но очищали они отлично.

— Мы пошли за дикими травами и встретили Сяоху и Лан-цзы. Они сначала не хотели с нами играть, называли чужаками и говорили, что боятся нашего отца.

— Раз они не хотели с нами играть, то и я с ними не буду, велика важность! — возмущенно вставил Сяочи.

Яньянь продолжила рассказ:

— Мы с братом не обращали на них внимания и копали траву в стороне. А потом Ху-цзы и остальные наткнулись на змею и от страха так и сели на землю.

Сяочи прыснул со смеху. Это и впрямь было забавно: Ху-цзы был заводилой среди деревенских мальчишек и всегда важничал, а оказался таким трусишкой.

* * * Как всё было на самом деле:

— А-а-а! Змея! — Сяоху и Лан-цзы в ужасе повалились на землю и, перебирая ногами, попятились назад.

Сяочи, увидев это, невозмутимо подцепил змею палкой и отшвырнул ее подальше. Затем он упер руки в бока и свысока посмотрел на парочку:

— Вам обоим уже по восемь лет, а вы всё еще змей боитесь?

С этими словами он протянул руку и помог Сяоху подняться. Лан-цзы тоже пришел в себя и встал сам.

— Спа... спасибо тебе. Я зря так про тебя говорил. Я не змей боюсь, просто мама сказала, что если змея укусит — сразу умрешь. Ты нас спас, так что давай дружить. Тут неподалеку растет огромное мыльное дерево, хотите с нами пойти? — спросил Сяоху, с надеждой глядя на них.

Сяочи обернулся к Яньянь. Глаза его сияли — он очень хотел завести друзей. Раньше они пытались играть с деревенскими детьми, но стоило взрослым это заметить, как тем строго-настрого запрещали общаться с ними — боялись, что дети подерутся или расшибутся, и тогда придется иметь дело с Сяо У.

Яньянь убрала лопатку, встала и с напускным высокомерием произнесла:

— Ну ладно, идем. Папочке наверняка понравятся плоды, соберем немного для него.

* * *

— Папочка, у меня впервые появились друзья! — Сяочи так разволновался, что начал активно размахивать руками.

— Сяоху сказал, что придет за мной после обеда, и мы будем вместе мастерить бамбуковых стрекоз.

Гу Цин был рад за детей — в их возрасте полагается играть и не знать забот.

— Вот и славно. Я приготовлю что-нибудь вкусненькое, чтобы вы могли угостить своих новых товарищей.

— Ура-а-а! — закричал Сяочи и принялся весело носиться кругами по двору.

<http://bllate.org/book/19018/1869765>